

Церковная проповедь и государственная пропаганда Екатерининского времени: легитимизация власти новой императрицы.

Зернова Анна Ильинична

Аспирант

РГГУ, Историко-архивный институт, Москва, Россия

E-mail: a-zluchka@mail.ru

Исследование проблематики церковно-государственных отношений является важным аспектом изучения истории Российской империи XVIII века. В течение многих десятилетий взаимоотношения православной церкви и государства становились предметом научных дискуссий, но из обширного круга обсуждаемых в научном сообществе тем практически выпадает вопрос о роли церкви в трансляции и распространении государственной идеологии.

XVIII век в истории России был ознаменован значительными изменениями в самых различных сферах жизни государства и общества, подвергались переосмыслению старые жизненные реалии, возникали новые, которым не было аналога в прошлом, формировалась новая секулярная культура и новое политическое мышление. С восшествием на престол Екатерины Великой для Российской империи начался период интенсивных государственных преобразований, направленных на модернизацию страны, обновление государственного и правового строя. Но для императрицы было очевидным, что успех реформ в большой мере зависит от уровня просвещенности народа, его способности правильно воспринимать привносимые верховной властью инновации.

Екатерина понимала, что необходимо оказывать влияние на психологические и нравственные основы личности человека, на его восприятие окружающей действительности, в частности тех или иных государственных акций. Для этого требовались не только просветительские программы, но и обращение к традиционному каналу передачи нравов и наставлений – церковной проповеди. Естественно, основной задачей проповеди по-прежнему оставалась катехизация паствы, но в XVIII веке у нее появляется и гражданская функция – трансляция государственной идеологии и закрепление ее в сознании слушателей. Гибкость традиционного, «школьного» красноречия позволяла проповеди, как целостному коммуникативному инструментарию, снять порожденное противоречиями переходной эпохи напряжение, закрепить в сознании адресата идеи равновесия между современностью и духовной традицией, просвещения, легитимизировать власть монарха, санкционировать его деяния в глазах народа. В фигуре проповедника соединились авторитет церкви, образованность и просвещенность человека западного типа и последовательно демонстрируемая лояльность церкви к верховной власти.

В исследовании, основанном на анализе проповедей известнейших церковных иерархов второй половины XVIII века (митрополитов Платона Левшина и Гавриила Петрова, архиепископа Георгия Конисского и др.), впервые специально рассматривается роль проповеди в интерпретации, трансляции и распространении государственной пропаганды периода правления Екатерины II.

В своем обращении к пастве проповедник мог направить внимание на конкретный исторический повод (это характерно для торжественных и викториальных проповедей,

а также Слов, сказанных в ответ на определенные события), на социокультурную ситуацию в целом, развить тему календарного праздника [1, 2]. При этом каждая проповедь являлась ответом конкретного оратора на требования текущего момента: иерархи прославляли восшествие на престол и коронацию императрицы, дни е и наследника Павла Петровича тезоименитств, созыв Уложенной комиссии, отдельные реформы, победы русского оружия, произносили слова в честь Нового года, по поводу секуляризации церковных имуществ, Чумного бунта. Проповедь чутко реагировала на запросы светской власти, подчинялась государственному календарю и потребностям пропаганды.

В данном докладе подробнее остановимся на том, как в проповедях, сказанных в год коронации Екатерины Великой, решались проблемы легитимизации власти новой императрицы.

Как известно, ни у кого не было так мало законных прав на престол, как у Екатерины II, поэтому вопрос легитимизации власти имел для не первостепенное значение. Исходя из этого уже в самом начале царствования Екатерина заявляет о своей преданности православию, стремясь заручиться поддержкой церкви [3,4]. Щекотливую проблему престолонаследия она пыталась решить, ссылаясь на то, что взойшла на трон лишь ради защиты православия, о государственном перевороте манифест о вступлении на престол сообщал как о героическом освобождении отечества.

Проповеди принадлежала особая роль в деле легитимизации и укрепления власти Екатерины II. Церковные иерархи, поддерживая новую императрицу, вводят в тексты проповедей идеи о ее «беспорочном пути к власти», заявляя, что она не искала власти, ее вынудили пойти на это служение отечеству и "матерняя любовь" к народу, а также "сожаление о страждущих и утесняемых чадах России" [5].

Другим важным компонентом легитимизации было установление преемственности власти от предшествующих правителей, поэтому в проповедях данного периода появляется постоянное упоминание Екатерины в ряду великих "предков" (и в первую очередь Петра I), как наследницы и продолжательницы их великих или, например, незавершенных деяний. Наибольшее внимание Екатерина уделяла образу и наследию Петра Великого. Переворот Екатерины в проповедях связывался с восстановлением дела Петрова, забытого и попранного Петром III, реформы проводимые Екатериной рассматривались как продолжение преобразований, начатых Петром, ему проповедники посвящали победы русских войск в русско-турецкой войне. Этот выбор был не случаен: в ситуации 1762 г. петровская парадигма приравнивалась к сакральной, приобщенность к ней могла оказаться важнее юридической легитимности [6].

Проповедь становится ответом на задачи, которые верховная власть ставит перед церковными иерархами. Уже на этом этапе в проповедническом дискурсе определились две основные составляющие программы легитимизации власти новой императрицы – как первой защитницы веры православной и как наследницы дела Петра I.

Таким образом, анализ церковного красноречия может стать ключом для понимания механизмов трансляции государственной идеологии в массы, формирования нового типа культурного сознания индивида, политики абсолютизации монарха.

Литература

1. Кагарлицкий Ю.В. Риторика уподобление и риторика соревнования: фигуры сближения имен в русском духовном красноречии XVIII века. // Именослов. Заметки

- по исторической семантике имени. М. 2003. С. 209-231.
2. Parmentier K.A. Freedom of Expression in Eighteenth Century Russia. The Hague, 1971.
  3. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
  4. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. I. М., 2004.
  5. Гавриил (Петров). Слово в день рождения Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича. М. 1764.
  6. Проскурина В.Ю. Петербургский миф и политика монументов: Петр Первый Екатерине Второй // Новое литературное обозрение. 2005. № 72. С.103-133.